

**Метафора «Живое Слово»
в лингвофилософском и богословском контексте:
исследование фрагментов текстов
в Google Books Ngram Viewer**

**The “Living Word” metaphor
in a linguo-philosophical and theological context:
research of text fragments in Google Books Ngram Viewer**

Лазарев А.И.

Учредитель историко-филологического фонда им. А.А. Хованского
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.

Founder of Historical and Philological Foundation named after A. A. Khovansky
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

На основании данных, представленных поисковым онлайн-сервисом *Google Books Ngram Viewer*, в статье рассматриваются вопросы, связанные с определением семантики метафоры *живое слово* в богословских и философских контекстах, а также осуществляется попытка обнаружить примеры её использования в связи с национальными педагогическими школами.

Ключевые слова: философия языка, живое слово, логос, эвристика, дидактика, воспитывающее обучение, методики преподавания, сопоставительное языкознание.

Abstract

Based on the data provided by the *Google Books Ngram Viewer* online search service, the article discusses issues related to the definition of the semantics of the *living word* metaphor in theological and philosophical contexts, and also attempts to discover examples of its use in connection with national pedagogical schools.

Key words: philosophy of language, living word, logos, educational training, heuristics, didactics, teaching methods, comparative linguistics.

*Живое слово дороже мертвой буквы.
Русская пословица*

*Пусть ваши уроки будут живым словом; проповедуйте своим примером
и не подвергайте себя необходимости прибегать к примеру других.
Фома Кемпийский*

Метафора *Живое Слово*, взятая А.А. Хованским в заглавие эвристической методики интеллектуального и нравственного развития, разработанной на страницах журнала «Филологические записки» в XIX в., получила в российской гуманитарной мысли XX в. статус *этнокультурной константы языкового сознания* [2], а уже в самое новейшее время (XXI в.) выступает в ранге *антропологической инициативы отечественной педагогики* [5].

На таком фоне общая идея статьи заключается в рассмотрении состоятельности этих номинаций в связи с историей бытия *живого слова* в европейских и русских национальных

текстах, прежде всего – с теми значениями, которые эта метафора имела в источниках XIX в., доступных в настоящее время компьютерному изучению. Для исследования была выбрана литература на английском, итальянском, немецком, русском и французском языках, где в том или ином контексте встречается художественный эпитет *живое слово*.

В некотором отношении замысел этой статьи перекликается с лейтмотивом известного труда К.Д. Ушинского «О народности в общественном воспитании», посвященного описанию и сопоставлению образовательных и воспитательных идеалов в ведущих национальных педагогиках. Но если в своё время К.Д. Ушинский занимался определением и сравнением национальных педагогических гениев, то теперь исследовательское внимание будет обращено исключительно к роли и влиянию *живого слова* на развитие европейской педагогической мысли вообще и российской в частности, а также – к тому общеобразовательному и наднациональному Идеалу, «который указывает высшую цель и служит источником всякого света и всякой истины для воспитания каждого христианского народа» [19].

Итак, цель настоящей статьи: выявить на основании сопоставительного обзора европейской духовной и светской литературы случаи употребления метафоры *живое слово* в связи с национальными педагогическими школами, их дидактическими и методическими разработками. Тогда как в задачи статьи входит рассмотрение примеров использования этого тропа в различных контекстах на ведущих европейских языках и определение его контекстуальных значений.

Истории появления метафоры *живое слово* в русском языке в прошедшее десятилетие касались несколько отдельных статей, начиная с компьютерного изучения поэтических текстов, затем – с использованием потенциала Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Разумеется, с вероятностью некоторой погрешности, зависящей не только от прилежания автора, но и от уровня развития информационных технологий. По мере совершенствования исследовательского инструментария на каждом этапе обращения к теме удавалось обнаружить новые фрагменты с присутствием этого художественного эпитета в том или ином контексте.

В «Год педагога и наставника в России», приуроченного к 200-летию со дня рождения выдающегося русского педагога, под эгидой Фонда Хованского состоялась международная научно-практическая конференция, одной из ключевых задач которой был сопоставительный обзор учебников «Родное слово» К.Д. Ушинского и «Живое слово» А.В. Барсова, начиная с поэтики заглавий. Так что эта статья представляет собой дальнейшее развитие сравнительного исследования, но уже в части изучения вопроса об использовании в европейских национальных педагогических традициях метафоры *Живое слово*, взятой у нас за заглавие обучающей и воспитывающей эвристической методики.

Недавние исследования с целью выявления самых ранних упоминаний *живого слова* показали, что в панхроническом конкордансе НКРЯ эта метафора впервые встречается в апокрифических церковнославянских текстах, начиная с XVII в. [17]. Всего этот троп до середины XIX в. здесь удалось обнаружить менее десяти раз. А собственно в русском литературном языке, основоположником которого значится А.С. Пушкин [8], она впервые появляется в начале XIX в. [12].

Новые возможности в этом направлении открылись вместе с созданием в 2016 году и дальнейшим развитием поискового онлайн-сервиса *Google Books Ngram Viewer*, позволяющего строить графики частотности языковых единиц на массиве источников, опубликованных с XVI в. и доступных в *Google Books*. В настоящее время этот поисковик обнаруживает значительно больше фрагментов в сравнении с НКРЯ.

Запрос об употреблении метафоры *живое слово*, начиная с XIX в., дал не одну сотню результатов. Графики частотности использования метафоры в текстах на пяти европейских языках представлены на следующих рисунках:

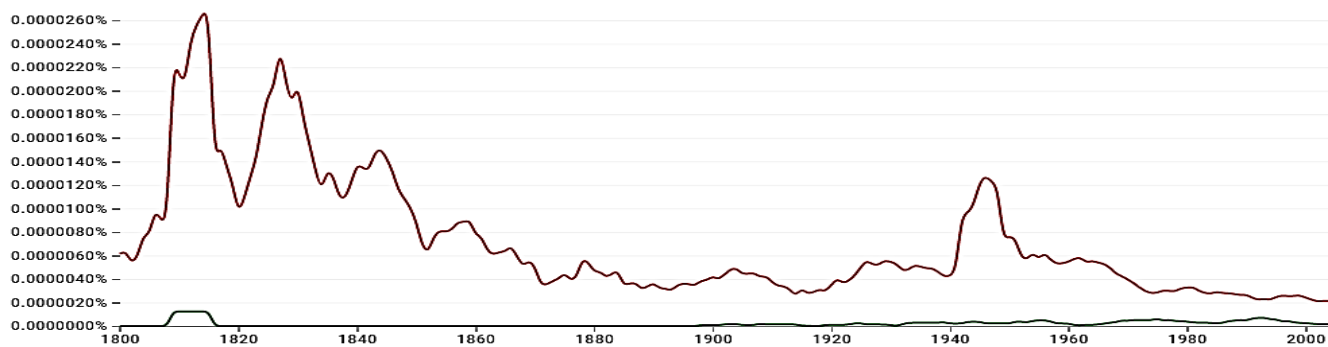

Рис. 1. Немецкий язык (1800-2000 гг.)

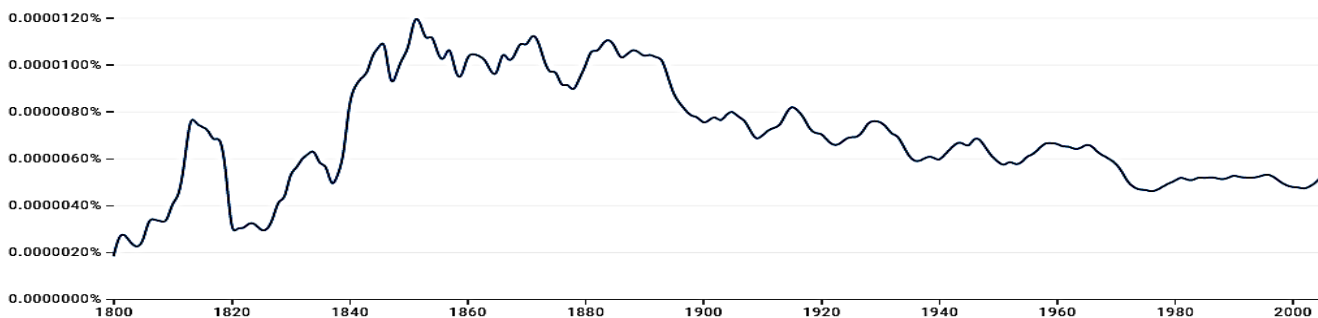

Рис. 2. Английский язык (1800-2000 гг.)

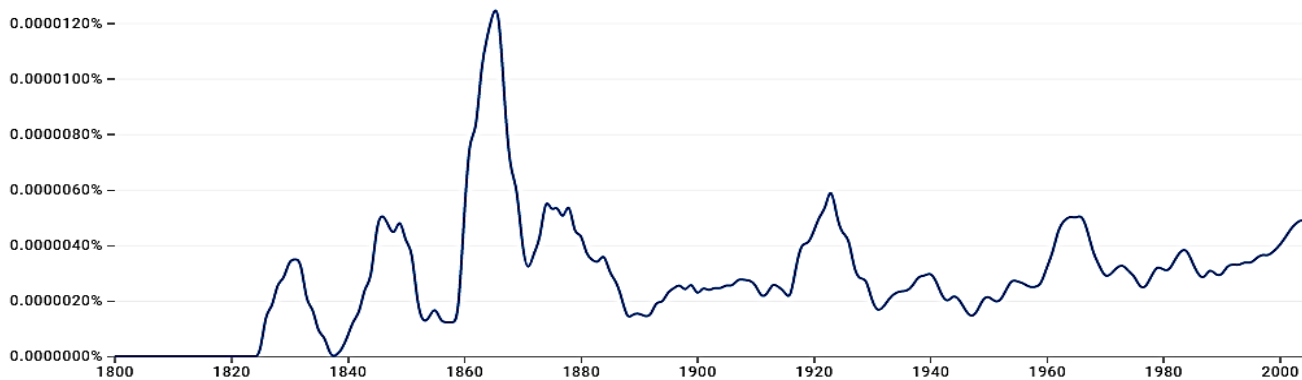

Рис. 3. Итальянский язык (1800-2000 гг.)

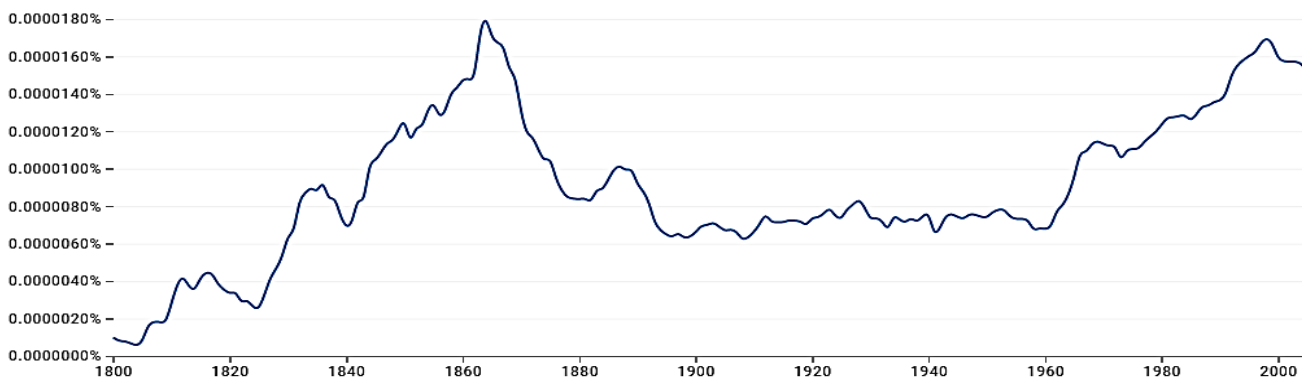

Рис. 4. Французский язык (1800-2000 гг.)

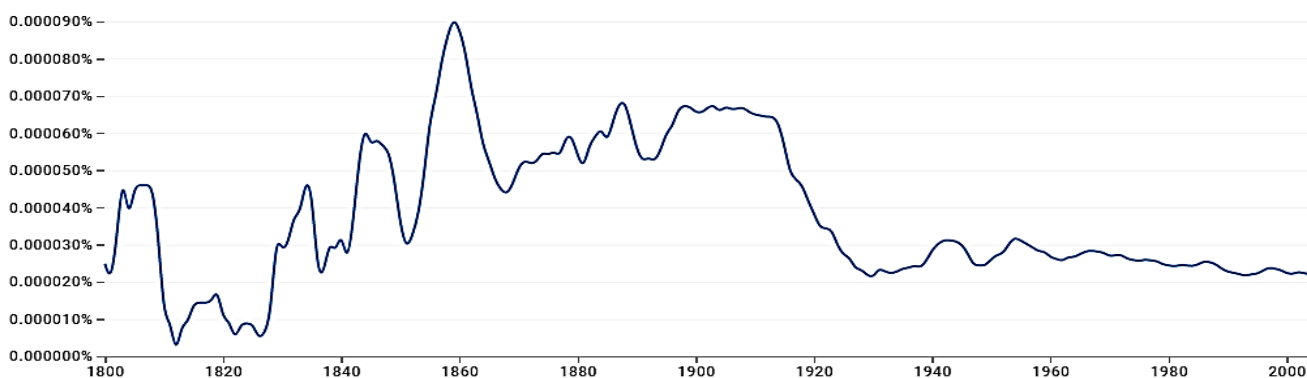

Рис. 5. Русский язык (1800-2000 гг.)

Учитывая библейское влияние на европейскую культуру вообще и литературу в частности, предсказуемо ожидалось выявление значительного числа употреблений метафоры *живое слово* в духовных текстах на разных европейских языках, что, собственно говоря, и было подтверждено в ходе исследования.

Церковное содержание метафоры определяются цитатами из Евангелия от Иоанна (Ин. 1:1-4), Деяний апостолов [7:38], Послания ап. Павла к Евреям [4:12], 1-го послания Петра [1:23] и др. Вдохновленные этими фрагментами Священного Писания мысли и фразы можно назвать *общим местом* в духовной литературе европейских народов. В этом отношении *Живое Слово* витает выше межконфессиональных расколов. Более того, как показывает этот сопоставительный обзор, в религиоведческом контексте метафора выходит за пределы исключительно Евангельских текстов и распространяется на значительную часть индоевропейской литературной традиции, яркое место в которой занимает иранская, или авестийская. Очевидно, с началом её изучения в Европе связан и зримый рост частотности употребления метафоры *живое слово* в немецких текстах в самом начале XIX в. (см. рис. 1), обусловленный развитием компаративистики во второй половине XVIII в. [22].

Особенно обращает на себя внимание заметный всплеск упоминаний тропа в начале второй половины XIX в. в Европе в целом и в России в отдельности, где график достигает апогея примерно к 1860 г. (см. рис. 5). Именно в это время *живое слово* начинает ассоциироваться с Воронежской педагогической школой, стоявшей в связи со сравнительно-историческим языкознанием у истоков настоящего национального научно-педагогического течения, инициированного А.А. Хованским в «Филологических записках» и направленного на создание *хорошего* учебника для *объяснительного чтения* в средней школе. Создание такого методического пособия явилось результатом общих усилий российских академиков и профессоров ведущих университетов, семинарских наставников и школьных учителей, словом – всего российского педагогического сообщества (своего рода *невидимой академии*) [7]. На этом основании и образовался *крылатый слоган*: «Воронеж – город живого слова», а сама метафора стала отечественным методическим и дидактическим брендом не только в имперском, но международном формате. Как демонстрирует это исследование, благодаря таким обстоятельствам Воронеж уже в 1860 г. именно по праву *живого слова* оказался в числе университетских городов, где этот концепт был тогда особенно актуален: Берлин, Бостон, Вашингтон, Венеция, Дрезден, Дублин, Женева, Кембридж, Лейпциг, Лозанна, Лондон, Милан, Неаполь, Оксфорд, Падуя, Прато, Париж, Рим, Страсбург, Турин, Тюбинген, Нью-Йорк, Манчестер, Флоренция, Эдинбург и др. В России фундаментальная метафора *живое слово* особенно ярко проявила себя в Харьковском университетском округе, включавшим в те времена и Воронежскую губернию; в первую очередь, благодаря творчеству поэта И.С. Никитина, упомянувшего *святых молитв живое слово* в стихотворении «Монастырь» (1849), но главным образом – редакторской и педагогической деятельности А.А. Хованского, а также проповедническому подвигу харьковского архиепископа Амвросия. Причём надо заметить, что на этом фоне именно в Воронеже педагогическое *живое слово* реализовалось в интеллектуально и нравственно развивающей методике.

В сопоставлении текстов на разных языках удалось выявить ряд контекстов, определяющих различные значения метафоры, среди которых особенно выделяются богословский и религиоведческий, а также философский и педагогический.

Наибольшее число контекстуальных значений метафора имеет в религиоведческой вообще и в христианской богословской сфере в частности. Здесь *Живое Слово* – это *Сын Божий* – *Мессия* и *Спаситель мира*, *Св. Дух* и *Евхаристия*, *Глас Господень* и *молитва*, *Св. Евангелие* и *Библия*, *акт Творения* и *Второе рождение*, содержание *Символа веры* и сама *вера*, *первородный свет* и *печать закона*, *духовное семя* и *отрасль* (см. в *Приложении 1* отдельный очерк богословского бытия, качеств и эффектов *Живого слова*). Особый интерес представляют и те случаи, когда этот троп выступает маркером для различения устной и письменной традиций, а также касается метода, распространяющегося не только на теологическое образование, но и на педагогику и риторiku вообще.

Чтобы яснее представить весь размах и мощь, вложенные христианством в *живое слово* и проявленные в европейской духовной литературе XIX в., видится целесообразным привести здесь ряд составленных по её мотивам фрагментов:

Прежде всего, Священное Писание учит нас, что Господь – Отец Живого Слова, которое с самого начала было с Отцом и стало источником и началом жизни, из которого всё всегда должно получать жизнь. Поэтому Евангелие и называет Его Живым Словом, утверждая, что в Нем была жизнь, пронизывающая все существа и вселяющая в них способность дышать и жить. Жизнь проявилась, когда Сын Божий сошёл с небес и Он, Живое Слово, приняв нашу природу, стал плотью и явился в телесной форме, чтобы его можно было увидеть и потрогать [27].

Мессия – Живое Слово, посланное, чтобы явить Свою Истину в Своем собственном Слове, которое ведет людей через Символ веры и которое было привито в теле Церкви. Так что Он является вечным, жизненным, интеллектуальным Словом и Сыном вечного, живого Отца; Живым Словом, которое с Отцом и Духом есть источник жизни для всех тварей, особенно жизни духовной и вечной [55].

В другом уже фрагменте *Живое Слово* ассоциируется с объединяющей ипостасью Св. Троицы – Святым Духом, воплощенном в Св. Евангелии:

Бог с Его Словом есть одна личность. Что делает Слово само по себе или Дух сам по себе, как если бы это были две независимые и совершенно разные силы или влияния?! Дух Божий и Живое Слово неразделимы и сотрудничают вместе. Живое слово – это Дух Божий, облеченный в евангельские мотивы, поэтому само Евангелие и есть это Слово. Евангелие – это не плотская заповедь, не что-то, что должен делать человек, плоть. Это сила Божья, Его Живое Слово – Иисус Христос Сын Божий, принятый в наш дух, чтобы, будучи жизнью в нас, делать всё для нас и исполнить в нас всю правду закона [53].

Чтобы постичь, что в Слове Божьем находится Дух Божий, необходима новая способность – *вера*, которая «одна только делает Писание живым Словом» [31]: «*Вера в Церкви – это живое слово*» [24].

В некоторых отрывках *Живое Слово* выступает в роли *духовного семени*, проникающего вместе с *Духом Божьим* в человеческие души и сердца:

Живое Слово – это то нетленное семя, которое, будучи посажено в сердце, всходит, и прорастает, и растет, и плодоносит в жизнь вечную. Всякий раз, когда Живое Слово попадает в сердце как духовное семя в нравственную природу человека, оно растет там так же естественно, так же самопроизвольно, как здоровое, хорошее зерно, посаженное в благодатную землю. В нем есть жизнь; и поэтому его возвышенно и божественно называют «Живым и Действенным Словом» [53].

В других эпизодах *живое слово* – это уже *Отрасль* из человеческой души как метафора *Второго рождения* – в Духе, а не во плоти:

Как зеленеющий росток или как цветущий и плодоносящий побег истинной и живой лозы, обладающей своей новизной, постоянным выкармливанием и распусканием новых почек, распусканием новых листьев, созреванием и совершенствованием новых плодов, Живое Слово Божие украшает и в то же время оживляет нашу старую и разложившуюся природу. Это новое рождение; с ним возникает новая моральная природа, семенным принципом которой является вечное, вечно живое слово Божие. Живым словом Христа человек рождается свыше [54].

Рис. 6. Отрасль насаждения Моего, дело рук Моих, к прославлению Моему (Ис. 60:21). Часослов Жоффруа д'Аспремона.

В такой метафорике *живое слово* сопоставимо с *sensus divinitatis* (лат. «божественное чувство»), предложенным Жаном Кальвином для описания гипотетического человеческого чувства, которое он и его последователи предполагали врожденным. *Живое Слово* между тем представляет именно ниспослание Св. Духа за основание *Второго рождения* каждого христианина.

Далее *Живое Слово* изображается печатью Закона, проявившегося в акте Творения, упорядочившего хаос небытия и изреченного Моисеем на горе Синайской (Деян. 7:38):

Когда Живое Слово входит в нас, и мы входим в Него, в праведность; мы наполняем Им в сердцах наших, ибо Слово Божье есть закон и вся правда закона в нас и с нами. Это праведность по вере, это Сам Христос Сын Божий, Праведность Самого Господа, спасение Божие, полученное верою, чтобы быть с нами и в нас как печать божественного принятия. Бог Своим собственным Живым Словом запечатлел эту вдохновенную истину закона в совести человека. Это не просто человеческое произведение, но насажденный небом принцип, с Ним мы удаляемся от всякого беззакония, служим Богу и соблюдаем Его заповеди. Так закон исполняется в нас Им, и мы блаженны в Нем. Иметь и принимать Его, Живое Слово, значит иметь жизнь, и поэтому в Писании сказано: «Имеющий Сына имеет жизнь, а не имеющий Сына Божьего не имеет жизни». Сын Божий, Мессия, Спаситель мира – сей есть Живое Слово, «нетленное семя», пребывающее вечно, на Нем построена Церковь [52].

В других фрагментах *Живое слово* – это и свидетель, и орудие акта Творения – самый Свет, создавший мир и рассеявший тьму:

Живым словом Божьим человек сначала нашел боль ума и тьму сердца, а затем Дух Божий сошел в его сердце и дал ему мир, радость и свет, который исходил от Бога, когда «БОГ СКАЗАЛ: Да будет свет». Ибо это не произнесение мертвого приговора, но появление Живого Слова как света первого дня, изначально предоставленного без сотворенного инструмента, самим ЖИВЫМ СЛОВОМ. В Слове этом была жизнь, и это ЖИВОЕ СЛОВО, было «светом». Тотчас же, без вмешательства тех светил, в которых потом хранился и центрировался свет, само ЖИВОЕ СЛОВО, выйдя, было светом – естественным светом земли, как потом, снова выйдя, оно стало для людей светом их спасения.

Единственный свет, сиявший в этой мрачной келье, бросал свои лучи на славное повествование о любви Вечного Бога к Своим падшим виновным детям, на то Живое Слово, которое открыло Его как Отца, примирившегося с самым гнусным грешником через кровь.

Первым шагом в этом славном процессе является проникновение СВЕТА во мрак, которым была окутана земля; и на этом этапе Живое Слово вышло из лона Божества [46].

Как видно, в богословском контексте *живое слово* выступает как *метафора метафор*, поскольку применяется в качестве художественного эпитета к другим ключевым евангельским метафорическим понятиям, например, *Отрасль*, *Второе рождение* и т.п. Таким образом, *Живое* представляется, пожалуй, самым ярким и содержательным среди эпитетов к *Божьему Слову*:

Именно насаждаемое слово, Живое слово, утвержденное Апостолами в Евангелии и в мире, способно спасти душу. С его помощью мы очищены, освящены, рождены заново, просвещены, спасены. Ничто так не превозносится; ни один инструмент не был столь мощным, энергичным и эффективным, так хорошо приспособленным к своей цели, как Живое Слово. Ему приписывают все великие моральные изменения в человеке; и Оно неизменно представляется нам как великий инструмент всемогущей силы Бога. Живое слово – это голос Всевышнего. В новом творении Он не изменил своего плана и не использовал новый инструмент. Его голосом были совершены все Его великие дела. Слух передается человеку через Его Слово; ибо вера приходит от слышания, а само слышание приходит от слова Божия. Бог повелел свету воссиять из тьмы, и единственным инструментом, который, как говорят, Он использовал в первоначальном творении, было Живое Слово. По своей воле Он оплодотворил нас словом истины и сделал свое Слово самим принципом обновления [43].

Рассуждая о Божьем Слове, авторы проводят различие между *написанным* и *живым словом*, называя одно переданным, а другое – словом привитым, благодаря которому мы рождаемся свыше в Крещении и питаемся в Евхаристии. Переданная объективная истина написанного Слова требует привитого субъективного влияния живого Слова как его толкователя. Подобного рода дарование всегда утверждалось для той группы верных людей, которым «открывалась» «мудрость Божия в тайне» и от имени которых Апостол утверждает, что «мы имеем ум Христов» [1 Кор. 2:16]. Таким образом, *живое Слово* представляется в роли единственного истолкователя написанного:

Книга содержит живое Слово живого Бога, и поэтому в ней необходимо видеть ссылку на два различных принципа, о которых мы говорим, а именно, о Божественной Любви и Божественной Мудрости, к тем принципам, к которым мы находим постоянное обращение посредством использования двух различных способов выражения, которые, хотя часто кажутся имеющими почти одно и то же содержание, всё же неоднозначны: одно из них служит для выражения принципа Божественной любви, а другое – принципа Божественной мудрости [29].

Написанное слово необходимо для обладания живым Словом и является не только элементарным принципом, ведущим к дальнейшему продвижению в вере, но и, в конечном счете, – средством обретения живого Слова:

Живое слово существовало до письменного слова, и именно первое объясняет второе. Но хотя живое слово ограничено, Писание заставляет его пересекать границы пространства и времени [39].

Написанное Слово подразумевает живое Слово, которое привито в Теле Христовом как своим постоянным корреляте – одно принимает, применяет, интерпретирует другое:

Написанное Слово и живое Слово правят с равными титулами, потому что они божественны; написанное Слово, оставаясь со всей своей властью, дает нам живое Слово во всей его полноте [49].

Слово становится *живым Словом*, или *Словом Жизни*, когда оно произносится проповедником вслух перед теми, чьи сердца открыты Духом Божьим для постижения его истинной силы; в молитве как в живом обращении к Богу и выражении любви к Нему.

Написанное слово как образ жизни имеет свою ценность, но не как субстанция истины, какой выступает живое Слово, которое раскрывается и прорастает во всеобщности верующих, являясь чем-то гораздо более близким к Богу, чем письменное [48].

Бог проявляет себя в двух Словах: написанном Слове, или Библии, и Живом Слове, или Иисусе Христе. Между этими двумя Словами родство близкое, но расстояние велико, так как в одном Бог только объясняет свою мысль, а в другом он показывает Себя, отдает Себя [30].

Говоря, что откровение есть адекватное слово Идеи, авторы имеют в виду не просто записанное (мертвое) слово, но прежде всего живое и – следовательно – совершенное слово, коим выступает сама Церковь как божественное общество, основанное *живым Словом Божьим* [33]:

Церковь – это живое и олицетворенное Слово открытой истины, которое предполагает написанное слово и придаёт ему внешний вид точно так же, как написанное слово означает Идею. Церковный глагол – это перевод библейского глагола, поскольку оба, соединенные вместе, являются толкователем и переводом истинного Идеала. И характерное качество церковного слова состоит в том, что оно есть внешний и чуткий голос, придающий явленному глаголу всю ту точность и действенность, которой оно не может иметь в книгах, а только на устах; потому что написанное слово подвержено затемнению, искажению и утрате своей первоначальной ценности, даже если оно физически сохраняется в нетронутым виде на бумаге. Без непогрешимого Живого Слова, сохраняющего свой подлинный смысл, слово явленное не было бы неизменным [38].

С другой стороны, церковное слово, выражающее явленное, получает от общей для них Идеи небесный мандат, делающий его авторитетным, и является непрременным условием постижения богословской премудрости и усвоения проповеднического навыка.

В преподавании и изучении теологии *живое слово* утверждает не только активность Божьего откровения, но и его животворящий и трансформирующий эффект в сфере веры и духовной жизни, а также обозначает дидактический аспект:

Было бы фатальной иллюзией даже думать, что теологию можно когда-либо изучить в ее подлинном смысле без живого слова, которое бы её передало и объяснило; без живого голоса, говорящего не только с ухом, но и с душой. Ах! Как нам нужен живой голос, который дает жизнь самой этой науке и с ясностью, с убедительностью, с обаянием, с силой слова не только дает о себе знать слухом, но и проникает в разум, и бьётся в сердце, и входит в душу, и проникает всеми способами, и всеми способами работает. Только живое слово имеет те объяснения, которые дополняют познание науки о Боге, то помазание, которое внушает эта наука, те аргументы, которые убеждает, ту силу, которая побеждает. Лишь оно одно говорит одновременно и с умом, и с сердцем, а также с чувствами и воображением; оно одно захватывает всего человека, оно одно побеждает его и покоряет его для себя, для истины, для добродетели, для Бога [38].

В духовном контексте *живое слово* представлено и как средство преобразования, и как воспитательный и образовательный метод, а также и как требования к проповеднику дидактического характера. По мнению авторов, наставнику необходимо владеть внутренним словом, и это слово должно быть и проявляться в тех, кто проповедует, прежде чем они смогут стать голосом Бога и Христа для людей:

Тем, кто считает себя проповедниками, следует задуматься, явился ли в них Господь и изреклось ли Его Живое Слово в них или нет. И если Живое Слово пребывает в них, они должны выражать его, когда этого требует от них Бог. Из этого следует, что если этого Живого Слова нет в них, то нельзя справедливо ожидать, что они произнесут его: «Да будет тебе сказано: кто бы ты ни был и называешь себя

служителем слова, посмотри в себя, явился ли в тебе Господь и Его Живое Слово и сказал ли в тебе, или нет, и твоим ли голосом пусть это слово будет передано людям, чтобы о тех, кто слушает тебя, можно было истинно сказать, что они слышат Христа, говорящего в тебе и через тебя» [32].

Слово проповедника должно быть живым выражением того нетварного Слова, от которого проистекает жизнь и искупление. Но прежде чем насадить духовное семя, культивировать его ростки и взрастить плоды веры, наставник и пастырь сам должен иметь веру. Не приняв же самого Слова, он не может обратиться к нему людей, чтобы они родились от животворящего Слова, пребывающего вовек:

И из-за этого недостатка множество слушателей еще не родились свыше, но остаются мертвыми в ветхом Адаме, мертвыми в грехах и преступлениях, не воскрешенными от смерти к жизни тем бессмертным словом, которое живет и пребывает вечно. И потому их проповеди не приносят пользы, что они исходят не из Слова жизни в их сердцах и не направляют к Живому Словоу и Духу Господа нашего, чтобы слушать, повиноваться и следовать ему [32].

Ах! если бы учение о религии изучалось в церквях устно всеми; насколько меньше ошибок, обманов и недоразумений в религиозных верованиях и мыслях! Скольким немощам, страданиям сердца нашел бы Бог средства спасения! Сколько преступных сделок, какие извращения и беспорядки в жизни были бы предусмотрены! [44]

В связи с живым словом выделяются две основные формы ораторского искусства: *гражданское* и *церковное*, то есть *проповедь*. В этом месте пересекаются профессиональные качества и требования к проповеднику и профессору, а живой дидактический принцип начинает распространяться и на светскую педагогику:

Истинный оратор соединяет в себе глубокий и пронизательный разум философа с воображением и чувствительностью поэта. – Один разум без пламенного воображения и чувствительности никого не сделает красноречивым. – Равномерно и одной чувствительности недостаточно красноречия. Профессор должен быть человеком мысли и человеком чувства, Ученым и Оратором вместе, высказывать истину и заставлять любить ее; одним словом – должен владеть двумя орудиями в равной степени: доказательством и убеждением. Отсюда, ясно, что назначение Университета таково: в преподавании мысль и чувство должны быть соединены самым очевидным образом [18].

При этом особенно отмечается, что необходимо различать *изящное* в *устном* произношении от *изящного* в *сочинении*, поскольку слог даже отличных писателей может показаться напыщенным и даже тёмным, при переносе из книги в ораторскую речь:

Живое слово и книга, которую мы читаемъ, производятъ различныя дѣйствія. Въ книгѣ обращается вниманіе на правильность и точность выражений, стараются избѣгать многословія, повтореній, употребляютъ языкъ совершенно обработанный; живое слово допускаешъ слогъ болѣе свободный, обильный, рѣчь менѣе обработанную; позволяетъ повторенія. Слушатель ловитъ мысли при произношеніи, но не можетъ, подобно читателю, снова возвращаться къ прежней мысли, останавливаться на каждой до совершенно яснаго уразумѣнія [9].

Иногда и к письму предъявляются такие требования, которые позволили бы передать качества *живого слова*: ставится задача – максимально приблизить эффекты письма к свойствам живой речи и тем самым оживить мёртвое [35].

Как и в христианском богословском, в светском педагогическом контексте устное *живое слово* также представлено антитезой *мёртвому* – письменному:

Слово сохраняетъ всю свою силу только въ устахъ человѣка: потому что только при устномъ его произнесении обнаруживается тотъ пламень любви, рождающій слово, который, на подобіе электричества, сообщается слушателямъ, согрѣваетъ,

растворяет их сердца и образует из них почву добрую для принятія стѣмени и произращенія плода обильнаго; записанное, оно сохраняет мысль, но лишается теплоты чувства, есть не что иное, какъ трупъ, хорошо сбереженный, и книгопечатаніе есть только усовершенствованное бальзамированіе [9].

Лежащий на парте учебник, который Авл Геллий метафорически называл *немым преподавателем*, представляет собой как бы глухую разделительную стену между учителем и учеником, препятствующую *живому слову* – их свободному диалогу, а значит – и развитию интеллектуальной жизни ребенка [25]. Книга говорит со всеми одним и тем же языком, и у неё есть только одна форма для придания идее, поэтому живая беседа, объясняющая и сообщающая не только уху, но и душе, представляется идеальным средством общения наставника с воспитанниками. Каждое слово имеет, так сказать, свою фигуру, которая не пишется, а выражается: это намерение, с которым слово было сказано; звук голоса, который его сопровождает [45].

Живое слово – это не абстрактная, обособленная вещь, отделенная от говорящего, а сопровождаемая тысячей обстоятельств, усиливающих его свет и силу: взгляд, тембр голоса, точность произношения, паузы, дыхание, поза, жесты – все способствует выражению мыслей, оживлению образов, передаче чувств, приведению одного разума в гармонию с другим, заставляет волокна сердца вибрировать в унисон с волокнами другого [51].

В новейшее время, кстати заметить, эффективность этого классического дидактического приёма экспериментально доказывал А.В. Брушлинский, утверждая в терминах современной педагогики, что диалогическая рефлексия повышает качество и скорость решения жизненных задач [3].

Но и без этих экспериментов очевидно, что живое слово более поучительно, из него познается гораздо больше и гораздо лучше, чем из холодного чтения. И чтобы будить воображение детей, нужно живое слово Учителя, а не мёртвое; а слово книги – мёртвое слово. Когда дети слышат факты из голоса Учителя, то быстрее усваивают их; и напротив, если они видят, что об этом повествуется в книге, они зевают и придают этому мало или вообще не придают значения. Поэтому неоспоримым методическим законом следует считать, что устное обучение должно предшествовать письменному [51].

Для воспитания мысли и приобретения знаний живое слово учителя гораздо ценнее мертвого слова книг. Слово книги перенесено на бумагу, то есть это мертвое слово, а слово учителя в школе – живое слово, исходящее из уст одного человека и звучащее в ухе другого человека. Из этого следует, что устное преподавание в школе превосходит письменное или книжное обучение по энергетике и эффективности. Мертвое слово книги вновь оживает, вибрируя и звуча на устах мастера, который повторяет его, интерпретирует, оживляет силой своего взгляда, выражением жеста, разнообразной интонацией голоса. Но, в свою очередь, и книга отвечает взаимностью на заслуги устного обучения. Потому что живое слово, выходящее из уст учителя, проходит и исчезает вместе со звуком, поразившим ухо ученика, а в книге слово остается, и ученик может удерживать на нем взгляд столько, сколько необходимо. Поэтому ясно, что живое слово мастера гораздо сильнее мертвого слова книги и что в сопровождении одного другим усиливаются оба [21].

Из сказанного следует, что *живое слово* предназначается для того, чтобы книга была понята, а книга – для того, чтобы сохранить и сберечь в сущности и окончательной форме познанную истину или науку, приобретенную посредством книги [51].

Письменное слово служит больше для передачи смысла, тогда как живое слово – для выражения и передачи чувства, стоящего выше смысла, поскольку в чувстве есть некий элемент непознаваемости. Но те, кто привязан к письму, этого не улавливают и не понимают [47].

Как видно, *живое слово* служит маркером для различения двух лингвистических и литературных традиций – *письменной* и *устной*. Письмо останавливает быстрое течение времени, фиксирует и запечатлевает мимолетное слово неизгладимыми буквами, делает его постоянным объектом. Таким образом, письмо является наиболее устоявшейся традицией; тем не менее, несмотря на это преимущество, при письме получается лишь некое общее изображение действительности, поскольку письму недостает той точности, которая обеспечивает истинность целого; и потому оно часто является источником ошибок, так что необходимо, чтобы его всегда исправляла устная традиция, которая выступает её живым и одушевленным толкователем, без которого всё мертво [21].

По преимуществу выражения и скорости обмена мыслями живое слово служит как верховный инструмент взаимоотношений: живая речь быстра и производит сильные впечатления; она спонтанна, и потому обретает мимолетность существования; она сочувственна, поскольку привлекает внимание других к объясняемым ею сценам. Таковы замечательные свойства живой речи [35].

Особенно необходимо отметить, что в религиозном контексте *Живое Слово* выступает как *высшее откровение* не только в христианстве. Например, известно, что также и у персов *творящему Духу* и *Живому слову* приписывается власть над природой и бытием вещей. Здесь *Живым словом* выступает сама Авеста как откровение, полученное Заратуштрой от Ахура Мазды и передаваемое в священнических родах из уст в уста:

Ведь что означает Зенд-Авеста? – Живое слово. Слово, которое сказано и оказывает свое влияние на выражение. В книгах оно мертво. От начала и до конца Зенд-Авесты все относится к силе живого Слова, посредством которого мир был создан и существует, посредством которого зло преодолевается и добро становится действенным [42: 215].

Своим *Живым словом*, то есть силою своей воли, создан Ахура Мазда (Ормузд). А поскольку *Живое слово* называлось *Ормуздом*, то этот верховный Гений рассматривался как глава Творения и как первый его исполнитель, так как обладал *Живым словом*, т.е. чистой волей, полной действия в мире добрых духов.

Итак, вечное Слово (мышление, желание) является основой всего существования, всего пребывающего и всякого благословения, а закон Зороастра – это тело этого первоначального слова Ормузда, и само оно называется Зенд-Авеста – Живое слово (Кройцер. I, С. 208) [47].

В Авесте *Живое слово* исходило из самого культа, получившего живую силу в молитвах, призывах и поощрениях к себе самому и всему творению. Природа впервые стала здесь сознательной через *Живое слово*, через душу человека, а сам язык, как и пророчества поэта и провидца, был создан высшим Вдохновением:

Живое слово – это вечно произносимое Ахура Маздой слово творения, посредством которого всё существует и является суммой всего существования, выражением всех желаний и обетов; поэтому в культе, построенном на силе произнесенных слов, оно было основным словом всех мыслей и благословений; характером, которым неизменно отмечали начало и конец каждого писания; суммой всех молитв; «сокровенной силой» каждого природного эффекта и магии; вечным Аминь [42: 307].

В виду того что у персов не было храмов, обелисков, лабиринтов, иероглифов и т.д., их культ заключался в устном *живом слове*, т.е. в поздравлениях природе, в торжественных восхвалениях и молитвах:

Люди знали, как назвать Живое слово, которым сотворен мир; его называли <...> – великолепно звучащее слово, придающее силу их молитвам, произносить которое запрещено любому непосвященному человеку. Когда Ормузд говорит свое Живое слово, он работает так, как и мы должны работать – желать друг другу и всему творению счастья... [42: 277].

В немецкоязычных источниках рубежа XVIII и XIX вв. исследования Зенд-Авесты связаны с «Персеполитанскими письмами» Готфрида Гердера, где, условно говоря, раскрывается арийское понимание этой метафоры. Кроме вышеприведенных значений Гердер называет *живым словом* ещё и персидский целительный медицинский календарь, поскольку тот существует и продолжается в живых словах волхвов, в их бормотании благословений и молитв:

Живым словам, обычаям и посвящениям учит нас Зенд-Авеста, поскольку магическим образом все основывалось на живом слове. В этом сила слова: тогда всякий добрый дух возносит над нами свое почтение, и райская птица покрывает макушку нашу [42: 312].

Из вышесказанного видно, что идея христианства как развития религиозного сознания в человечестве из известной духовной общности человека с *Вечным Творцом* и посредством *Живого Слова* существует у разных народов с древнейших времен в более или менее совершенной форме, поэтому все благие повеления и заповеди *Истинного Писания*, где бы они ни находились, названы ли они *Евангелием* или каким-либо другим именем, принимаются такими, какие они есть в истине, – как *Живое Слово Творца*:

От престола добра, – писал первый переводчик Авесты Абрахам Гиацинт Анкетиль-Дюперрон, – вечное Живое слово – чистое, святое, превосходное, быстроедействующее, первоначальное, пребывающее прежде неба и всякой твари; слово творения и закона, вечно вдохновляющее и всемогущее, созданное из бесконечного чистого семени Вечного и Основного, первенец всех существ, мерная мудрость, наука и податель наук, провидец, слово всего и т.д. – впервые было олицетворено как дух вечного света и жизни, сияющий образ и сосуд бесконечности, неизмеримый по ширине, высоте и глубине, добрый и всепитательный, основа и центр всех существ [47].

Итак, в религиозном отношении *Живое Слово* как основа каждого существа выходит за рамки собственно христианского контекста и рассматривается вообще в связи со жреческом сословием – той социальной стратой, для которой всё от начала и до конца относится к силе *Живого Слова*, посредством которого создается и существует мир, мощью которого ослабляется и изгоняется зло, а добро становится действенным. В этой социальной среде *Живое слово* особенно явно представлено как ключевой инструмент устранения зла и изгнания духа раздора, как основное орудие воздействия на окружающий мир и его преобразования, благодаря которому страх превращается в любовь.

Проповедь, то есть живые слова, – самый действенный способ мирного прозелитизма. Поэтому интеллектуальные и моральные религии используют или, по крайней мере, должны использовать единственное орудие – слова – мать убеждения [37].

Но *Живое слово* – это не только способ насаждения блага и воцарения добра, изгнания зла и прекращения раздора, но и крайне эффективный метод, наиболее подходящий для воспитывающего обучения. Это первейший инструмент проповедника и педагога, и именно поэтому А.А. Хованский (как *отрасль* священнического сословия), обращаясь к *Живому слову* в первом номере своего журнала и нарекая так эвристическую методику, как бы апеллирует к первому христианскому воспитательному трактату *Педагог* Климента Александрийского, где автор называет *Логос* главным *Наставником*, цель которого «давать нам воспитание вполне совершенное», заключающееся в «неустанном впечатлении на себе дел вечно ценных» [13]. В этом, пожалуй, содержится и *тайный смысл* названия, сокрытый до поры, как *священный Грааль*, к которому необходимо приложиться душой, чтобы впустить *Логос* в своё сердце и дать ростки веры. *Живое слово* потому и представляется *педагогическим Граалем*, что его содержание не высказано явно, а нуждается в эвристической практике поисков и открытий.

В философском контексте метафора *живое слово* также имеет несколько планов содержания. Во-первых, это касается двух основных традиций передачи философских знаний – устной и письменной, которые Платон упоминает в диалоге «Федр» в связи с беседой бога Аммона и обожествленного изобретателя письменности Тевта, где «живое и одушевленное слово», пожалуй, впервые в философской литературе противопоставляется слову писанному [8].

Платон охотно отдает предпочтение живому слову, которое, поскольку оно непосредственно указывает на характер оратора, так близко приближается к индивидуальным качествам слушателя, прямо и непосредственно осуществляя свою силу путем практики, и ставит его выше художественного письма, которое лишь через промежуточные знаки напоминает то, что уже помыслено и уже известно, но не дает живого знания и не способно защитить себя от нападков сомнения или противоречия [34].

Поскольку *письменное слово* является памятью об уже известном, оно уступает *живому слову*; но и в письменной, и в устной речи искусство тем совершеннее, чем больше оно способствует развитию серьезных и важных мыслей в душе слушателя путем применения диалектики.

Подобно любви, философия должна быть чистой: то есть она должна давать жизнь, которая пробуждается в нас и способствует познанию идей через живые слова: и поэтому учение, чтобы быть живым и действенным, должно быть диалектическим и риторическим [34].

По мнению Платона, *живое слово* имеет более оплодотворяющую силу, чем *слово письменное*, потому что слово, написанное в душе, оставляет внутри жало свободного исследования и дает импульс к более разнообразным решениям. Поэтому одним из секретов древнего величия было ученичество, требовавшее личной эффективности мастера, прежде всего благодаря *живому слову* [50].

Во-вторых, *живое слово* ассоциируется с *сократическим методом* построения обучающего диалога, побуждающего к философскому исследованию и заключающегося в нахождении пути для раскрытия истины посредством последовательных вопросов. Платон определяет живой философский диалог как *ядро учения* и как высшую форму искусства, по крайней мере в прозе, ставя его на такое высокое место как *верное отражение внутреннего развития мысли* [34]. Благодаря такой технике, знания и истина не даются Мастером в готовом виде. Он лишь обозначает задачу и инициирует поиск её решения, что в итоге способствует «рождению» истины в голове воспитанника. Поэтому Сократ метафорически называл свой метод *майевтикой* (от др.-греч. *μαίευτική* – «повивальное искусство»), с той лишь разницей, что он помогает разрешаться от бремени не женщинам, а мужчинам, рождающим не дитя, а знание.

В-третьих, *Живое слово* находится в тесной связи с *Логосом* – ключевым метафизическим понятием, объединяющим античную философию с иудейским монотеизмом, значительным образом повлиявшими на христианское богословие. Например, Филон (Иудей) Александрийский называет *Логос* «творцом мира», его законодателем и устройтелем, книгой сотворения неба и земли:

Он дает людям чистейшую мудрость, учит их самой совершенной философии. Его мудрость стекает сверху неуывающим потоком. Во всем этом он является учителем рода человеческого и искупителем его от невежества и греха, ибо оно вызвано последним. Он – жених души, её мужское семя, с его помощью производят все добродетельные поступки. Но Логос не ограничивается лишь началом добра: он также ведет начинающего в добре дальше по пути добродетели, пока оно не станет богоподобным. Он – Отец человечества, Господь, Главный Пастырь, Пророк, Царь, Судья, Искупитель, Жених, Учитель, Истинный руководитель пути для слабых, Наставник во всех послушаниях, Врач от болезней души, лучший душевный бальзам, манна (пища) души [47].

Однако подробное рассмотрение контекстуальных философских значений метафоры *живое слово* требует отдельного труда, выходящего за рамки задач настоящей статьи, поэтому ограничимся здесь только некоторыми вариантами.

На фоне вышеупомянутых значений тропа необходимо также отметить, что противопоставление письменному слову имеет место не только в богословском, философском и педагогическом контексте, но встречается и когда речь заходит об отличии *обработанного литературного* от текущего легко и свободно *народного живого слова*, содержащегося в образной диалектной речи, обладающей некоторой независимостью от жестких грамматически правил [40].

В свою очередь *живым* иногда называется и *печатное слово* – публицистическое, в сравнении с застывшим *историческим словом* [36].

К вышеприведенным примерам следует, пожалуй, добавить, что в лексикографическом контексте метафора касается и актуальности: живое употребляемое слово противопоставляется забытому и вышедшему из устуса мёртвому. Например, в одном из источников:

«'Bro' до сих пор является живым словом, обозначающим kern или ручную мельницу в Ирландии и Шотландии» [28].

Подводя итоги сопоставительного обзора доступных в *Google Books Ngram Viewer* образцов духовной и светской литературы XIX в., содержащих метафору *живое слово*, можно обнаружить, что доминирующим контекстом в различные этапы этого периода остается богословский, за которым следуют философский и педагогический. В связи с развитием ораторского искусства (риторики) эта метафора проявляется и в политическом и юридическом контекстах, где противопоставляется чинушескому и бюрократическому языку и означает динамичную, убедительную речь, оказывающую сильное влияние на мнение аудитории, а также отмечает потенциальную возможность живого языка или словесного выражения вызывать яркие эмоции и чувства.

В педагогической сфере метафора *живое слово* означает применение живых и потому эффективных методов обучения, способных увлекательной подачей вдохновлять образовательный процесс, делая его более интересным и доступным для учащихся. В дидактическом отношении метафора выделяет значение активного и динамичного эмоционального воздействия наставника, передающего учащимся свою жизненную энергию и стимулирующего их самостоятельную познавательную и деятельную активность. Прежде всего, это касается эвристических приемов обучения, направленных на развитие творческих способностей и независимого мышления. В педагогике в целом, метафора *живое слово* подчеркивает стремление сделать учебный процесс не просто формальной передачей информации на основании печатных текстов, а живым и вдохновляющим событием, способствующим усвоению навыков и совершенствованию нравственных качеств учащихся. В отечественной педагогической традиции *живое слово* представлено как основа воспитательного процесса, главным постулатом которого можно вывести следующую мысль:

если знания ещё как-то можно пытаться получить с помощью изучения мёртвых текстов, то воспитать личность и привить навык лучшим образом можно только в живом общении наставника и воспитанника.

Особенности российской традиции *живого слова* связаны с методическими разработками воспитательного и дидактического характера на страницах журнала «Филологические записки», а также с трудами архиепископа Амвросия, предложившего собственную классификацию ораторского искусства и категорически разделявшего устные речи, написанные дома, заученные наизусть и потом произносимые, и собственно живые проповеди – импровизированные и обдуманые заранее только в самых общих чертах [16]. Архиерей вовсе не признавал устную речь по писанному тексту риторическим искусством, уподобляя таких ораторов чтецам, и к тому же чётко обозначил грань различия между *Божьим Живым Словом* и *народным живым словом* – естественным, но не просвещенным благодатью Христовой. По его убеждению, истинно *Живым словом* допустимо считать лишь вдохновенную Св. Духом импровизированную проповедь, а не вообще устные высказывания или свободную народную речь [1].

Итак, как показало исследование, представления об эффективности *живого слова* в образовательном и воспитательном процессе относятся к классическим и связаны с крылатой латинской фразой *viva vox docet* (лат. *живое слово учит*) или *viva vox alit plenius* (лат. *живое слово питает обильнее*) из второго цикла писем Плиния Младшего. О приоритете *живого слова* перед *мёртвой буквой* предельно ясно высказывался и Тертуллиан, замечая, что «душа существовала до букв, а живое Слово – до книги» [56]. Известно также, что и древние греки

прекрасно понимали эффективность воздействия *живого слова* на человека, т.е. интонации речи, музыки произношения и т.п., а также – существующую разницу между чтением и слышанием: читая, ученики могут только понимать; слушая – понимать и чувствовать вместе, т.е. усваивать то, что не передается одним написанием [41]. Словом, эту истину видели и прекрасно выражали величайшие древние мыслители (Platone, 11 *Fedro*; Quintiliano, *Instit. orat.*, II, 2, § 8; Plinio, *Epist.*, II, 3; Aulo Gellio, *Noctes atticae*, lib. XIV, c. 2; San Girolamo, *Epist.*, 102 ad Paulinum) [20]. Поэтому свидетельства о дидактических преимуществах *живого слова* встречаются в текстах на всех рассматриваемых в статье языках.

Среди авторов трудов, касающихся в том или ином контексте *живого слова*, преобладают богословы и философы, архиереи и министры, пресвитеры и университетская профессура. Собственно в методологическом контексте метафора *живое слово* встречается в трудах руководителя Высшей школы методики Туринского университета, а также члена Высшего совета по делам воспитания и обучения, одного из наиболее известных деятелей итальянской церковной педагогики Джованни Райнери, автора трудов по методике, переведенных на русский язык в начале XX в. В своей книге «Основные принципы методики» он уделил *живому слову* как методическому приёму несколько абзацев [51].

Однако с помощью онлайн-сервиса *Google Books Ngram Viewer* пока не удалось обнаружить явных свидетельств об употреблении метафоры в качестве заглавия методического пособия для изучения национальных европейских языков, кроме русского [11]. В целом, исследования позволили вскрыть глубокий христианский (религиозный) и философский смысл, заключенный в этом тропе и выражающий основообразующую часть европейского культурного кода вообще и русского в частности. В равной мере это касается и индоевропейского этнокультурного наследия, составляющего другую часть этого бинарного кода. В метафору *живое слово* на протяжении истории цивилизации вложен мощный энергетический заряд, так что одно только заглавие образовательной и воспитательной методики, само собой служит символом и средством реализации этого могучего потенциала в созидательных целях.

По большому счёту, рассматриваемый троп проявил себя в европейской мысли XIX в. как общий богословско-философский, литературно-языковедческий, педагогический и коммуникативный концепт, или *базовая метафора*, имеющая архетипическую природу, то есть сформированная из древнейших религиозных и коллективно-родовых представлений, лежащих в основе осмысления и окультуривания человеком окружающего мира, моделирования Космоса из Хаоса [15]. Другими словами, *живое слово* относится к числу *фундаментальных метафор*, служащих постижению европейской культуры в трансцендентальном модусе и конституирующих её базовые схемы, присущие разным эпохам и проявленные в различных языках, и в целом – в *метаязыке человеческой культуры* [14]. При этом категорически важно отметить, что эта *базовая метафора* выступает как главный инструмент мирозидания и способ воздействия на мир для *ораторской касты*, тогда как для *воинского сословия* этот троп не характерен и практически не встречается в милитаристском контексте.

На фоне полученных результатов и открывающихся с развитием информационных технологий возможностей вызывает исследовательскую любознательность появление новых контекстуальных значений у этой метафоры в XX в.; особенно в связи с педагогикой, однако этот вопрос касается перспектив дальнейших изысканий. Отдельный интерес представляют собой изучения на этот предмет китайских текстов. К сожалению, в настоящее время в *Google Books Ngram Viewer* нет доступа к релевантным *живому слову* текстам на греческом языке, так что исследования в этой языковой культуре также пока относятся к числу перспективных.

Рассмотрение вариантов использования и применения важных слов и фраз в различных языках оказывается очень поучительным, поскольку знакомит нас с их духом, и благодаря такому знакомству мы узнаем те представления о *великих понятиях*, которые существовали на различных этапах развития этих языков. Несмотря на то что *метафора метафор* обозначается отечественными учёными как *этно-культурная константа русского языкового сознания*, этот её статус в равной мере может быть распространён на другие европейские народы, поскольку и их когнитивная практика строилось по подобному принципу –

в соединении язычества с монотеизмом, ведь культура всех европейских народов имеет два ключевых источника: этнический – индо-европейский (или финно-угорский) и культурный – христианский (семитский по происхождению).

Что же касается статуса *антропологической инициативы отечественной педагогики*, результаты, представленные в этой статье, вполне обосновывают и это утверждение. Прежде всего, в связи с названием и содержанием эвристической методики интеллектуального и нравственного развития, послужившей ключевым источником Воронежской педагогической школы. Да и в целом, культурно-исторически, российская педагогика складывалась на основе языкознания и преподавания отечественного языка [4] в логике сохранения и оберегания *живого слова* в пространстве человеческого взаимодействия, поскольку она изначально была обращена к сакральности Творения и связанного с ним *Живого Слова* [5], созидающего жизнь и обращающего воспитательную мысль к тому несравненному наднациональному и общему нравственному Идеалу, к которому «должно стремиться развитие всякой народности и всякое истинное воспитание, идущее вместе с народностью» [19].

**Учение вечной любви и мудрости о живом слове,
духовном возрождении, разуме и материи [26]**

Смотрите, у нас есть жизнь, которая, по нашим собственным словам, неразрушима, но эта жизнь все равно подобна жизни, запечатанной в семени. Если мы обратим свое сердце к миру, то свет благодати, продолжающийся как в зиму слишком короткое время, не сможет высвободить в нас душевное тепло. Но если мы будем постоянно обращать свое сердце вверх к Господу, то длительный, даже непрерывный свет благодати вскоре высвободит в нас духовное тепло жизни, и мы сами тогда поднимемся как живой образ или живое слово к вечному бодрствованию в свет Господень! А кто этого не делает, тот грабитель и вор и станет сорняком, паразитом и ужасным уродством жизни! Поэтому тот, кто имеет слово, имеет и жизнь вечную; но каково слово, такова и жизнь будет!

*Посмотрите вверх и узнайте в «Слове»
Путь, истину жизнь и свет!*

Что такое Живое Слово?

*Вначале было Слово; и Слово было у Бога; и Слово был Бог.
Оно было с Богом в начале.
Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.
В Нем была жизнь, и жизнь была светом человекам (Ин 1:1-4).*

1. Слово живое, (духовно-сущностно) истинное, правильное Слово из глубины человеческого сердца есть всё во всем.
2. Живое слово – это любовь Божия, говорящая в сердце человека, святая невеста жизни, церковь Господня, святой дух в человеке. Это отеческий призыв, а также внутренний гром Божий; истинно святое жилище Бога в человеке, истинное Царство Божие внутри и среди людей земли. Это Слово есть истина, путь и вечная жизнь.
3. Живое Слово – это Бог Отец в человеке; это Иисус Христос, Сын, или вечная любовь и мудрость; это божественный Дух; внутреннее святое свидетельство, тайный зов человека.
4. Живое Слово – манна вышних небес, которая приносит нам истинную вечную жизнь; это любовь Господа, действующая любовь, или жизнь Отца в Себе, сами Небеса.
5. Живое Слово – это корень и единственный верный признак жизни; это истинная живая Церковь, написанная и изреченная от вечности в каждое человеческое и ангельское сердце; это величайший дар, продукт жизни, семя небесное, живая жемчужина.
6. Живое Слово – это Божия любовь, милость и благодать в каждом человеке, который слышит его и живет по нему; это настоящий рай жизни, источник света и красоты.
7. Сам человек, во всем своем существе, с волосами, кожей, костями, кишками, сердцем и кровью, душой и духом, есть живое слово из уст Божиих, изреченная мысль Божия; Человек – первое слово в книге жизни.
8. Внутреннее живое слово – это любовь к Господу, а приготовление к этой любви – укрепляющая духа диета. («Вы приняли дух усыновления, в котором мы называем Авву! Отца» (Рим. 8:15).
9. Живое святое слово – это слово всей жизни, всей силы и всей славы непосредственно от Самого Бога; это зародыш вечной жизни в человеке.

Характеристики Живого Слова

Слова, которые Я говорил вам, обретают дух и жизнь (Ин. 6:63).

1. Слово Господне не похоже на человеческое слово, но всегда законченное дело.
2. Глас Духа Божия не громок, а весьма тих, но именно поэтому он проникает во всё, как тепло любви и как свет благодати, как сила милосердной любви Святого Отца.
3. Каждое слово Господа дороже тысячи земель; также говорят из камня, то же самое святое живое Слово, полное силы и власти; это всемогущая и истинная, неизреченная помощь Господня.
4. Живое слово тайно плачет в сердце; не может быть ничего более питательного и утешающего, чем живое Слово Божье. Оно стоит выше всех пророков и всей мудрости ангелов; имеет великую силу и славу.
5. Если Живое слово читается или пишется в неподготовленном состоянии, жизнь духа находится в большой опасности, способной превратить храм жизни в дом смерти.
6. Живое Слово Божие выражает себя в бесконечном разнообразии, потому что оно есть совершенное семя, семя небесное, тогда как земное семя постоянно порождает из себя то же самое, что оно несет в себе, без особого изменения формы.
7. Слово Божие – не пустое слово, и не только верно, как кто-то говорит: один и один равно двум. Слово Божие по сути истинно, и в божественном слове уже создано бесконечно много и глубоко, как бесчисленное множество растений или деревьев и их плодов создано уже в одном семени.
8. Живое слово по своей внешней, буквенной форме напоминает горчичную чешуйку; но когда это слово помещено в почву сердца, оно прорастает и становится настоящим деревом, под ветвями которого обитают небесные птицы. Дерево есть внутреннее духовное знание внешнего слова, а птицы означают небесное, таким образом, первоначальное состояние, из которого произошло простое слово. Так вся сущность дерева говорит о мудрости, происходящей от любви, и о том, что одна такая мудрость способна познавать только небесное. Когда дерево достигнет зрелости, не принесет ли оно тысячекратное количество семян? Но если ты теперь снова рассеешь такое богатство семян в свою почву, не вырастет ли у тебя великий урожай, так как ты увидишь тысячу таких деревьев, вырастающих из твоей почвы вместо одного? Но заметили ли вы такое неисчислимое изобилие в первом простом семени? Видите, то же самое и с небом. Вы не можете попасть в рай где угодно; но вы должны подготовить свое собственное небо. Семя Царства Небесного – живое слово Божие. Кто примет это в себя и будет действовать по нему, тот посадит это небесное семя в свою почву, и небо вырастет из него, как дерево.

Эффекты Живого Слова

Но они выходили и проповедовали повсюду; и Господь содействовал и подкрепил слово соответствующими знаменами (Мк. 16:20).

1. Изреченное, живое Слово Божье обильно вырывает жизнь из смертоносных скрытых глубин человека; оно приносит истинную вечную жизнь; оно делает того, кто его получает, живым, достойным и счастливым здесь; оно учит и утешает, оно пробуждает дух, питает и наполняет его.
2. Когда Господь говорит, из каждого Его слова возникают сущностные исполнения бесконечных глубин, и новые армии солнц и миров начинают прокладывать себе путь через свой первый вечный круг.
3. Живое Слово открывает истинно мудрым основу всей истины. Любовь Божия говорит в сердце и действует в сердце; живым словом любви было сотворено всё сущее; в живом слове чистейшее видение. Через то же самое достигается истинное понимание священных писаний Ветхого и Нового Завета.
4. Живое слово освобождает нас от всякого зла. С того момента, как Господь пробуждает дух человека через живое Слово, любовь Божия пребывает в человеке.

5. Живое Слово превращает человека в добрую почву; но оно может принести плод только в живом сердце. Живой не отвечает мертвому, а только тому, кто находит живое сердце. Но даже если живой человек захочет тратить слова на мертвого, какая ему от них польза, ведь он никогда не сможет их услышать?

6. Неизмеримо лучше умереть телом в слове Господнем, даже претерпеть тысячекратную смерть, чем тысячекратно жить без него!

7. Живое слово проникает в материю, растворяет её в духовных вещах, а затем растворением материи питает дух.

Какие люди видят и слышат живое Слово?

Господи, к кому нам идти? У вас есть слова вечной жизни (Ин. 6:68).

1. Только чистые, чьи сердца полны смирения, должны слышать звук голоса Божьего.

2. Если кто-то уже не находит удовольствия в мире, а только во всевозрастающей тоске по Богу, то вскоре ему откроются внутренние глаза и уши.

3. Кто изложит свою просьбу Господу в своем сердце с доверчивой верой, тот получит самый верный живой ответ.

4. Путь к внутреннему, живому слову есть самое решительное смирение, полное отстранение от мира и ответное обращение к Господу в любви. Кто постигнет Господа сердцем своим и делами любви, тот скоро вновь услышит Святого Отца, хотя бы он еще был в смертном, соблазнительном теле, и время от времени мог видеть Его!

5. Если сердце человека полно вечной любви, то он также услышит, как камни и вся трава, кусты и деревья обмениваются друг с другом отчетливо слышимыми словами.

6. Если узник заблуждения хочет видеть и слышать, он вместо вещи видит тень и вместо живого слова слышит пустой звук.

7. Если человек хочет что-то испытать, он может обратиться и к тому, у кого есть сердце, которое всегда слышит голос вечной любви и ясно понимает слово жизни от Бога в момент необходимого общения. Но когда такое слово, как золото земли, произносится скупно, тогда пора открыть уши и глаза. Но кто в сердце своем обращается к Господу, а не к вождю, когда ему нужен совет, тот сначала наполнится тем, что потом подтвердят уста вождя.

8. Те, чьи сердца заняты Господом, общаются с Его Святым Духом внутри себя.

9. Тот, кто хочет участвовать в Живом Слове, не должен быть небрежным и легкомысленным; Он должен совершенно серьезно относиться к пробуждению своего духа и к вечной, нетленной жизни от духа; Он должен иметь жизненную влагу и духовное тепло, благодаря которым семя Живого Слова прорастет в нем и сможет созреть в действие.

10. Всякий, кто читает Священное Писание и поступает соответственно, имеет в нем руководство к живому слову.

11. Кто соблюдает заповеди Божии, полон послушания и смирения и любит Господа, как нежная невеста любит жениха своего, хотя бы и опоздавшего на час, тому Бог открывается через живое слово.

12. Чьи духовные уши сердца оттаяли и открылись огнем любви, тот слышит живое Слово, проповедующее внутри него.

13. Апостолу Иоанну было дано самое Живое слово любви и жизни, потому что он тайно имел величайшую любовь к Господу.

14. Живое слово может войти только в сердца, ставшие совершенно новыми через самоотречение.

15. В ком возрастает любовь к Господу и к братьям своим, в том и Господь возрастает в полноте Своего живого Слова.

16. Кто останется верным в любви и учении, к тому Господь придет как можно скорее как Само Живое Слово и полностью пробудит его.

17. Никто не приходит услышать Живое слово, пока добровольно не изгонит из себя мир, который по сути является грехом.

18. Тот, кто ни разу не услышал звука голоса Господа в этой земной жизни-сне, все еще сильно колеблется между смертью и жизнью.

19. В тех, кто не оживляет слово, слово не оживает, ведь для духовно мертвых и Живое слово есть не что иное, как нарисованное семя.

20. Те, кто исповедует Слово Божие, кто находится в непорочности своей веры, тогда придут к Живому Слову в себе, когда через свою веру постигнут Господа в любви своего сердца.

21. Если бы Живое Слово дало о себе знать в старых, нечистых и потому гнилых сердцах, оно сделало бы с ними именно то, что новое должно делает со старыми, гнилыми шкурами, а именно разорвало бы их, а затем само закрыло бы их. Именно поэтому не следует бросать бисер свиньям.

22. Не спрашивайте того или иного человека: «Как выглядит небо и как выглядит мир духов?», ибо все это напрасно. Но стремитесь оживить в себе каждое слово Мое делами любви, и тогда оно в вас пребудет. Небо живо в вас, как все, принадлежащее духовному миру, форма которого всегда будет определяться типом любви, которая есть в нем, и произведениями, вышедшими из неё.

Как живое Слово дает о себе знать?

*А если предадут тебя, не беспокойся о том, как или что сказать;
ибо в тот самый час будет дано тебе, что тебе говорить;
ибо не вы говорите, но Дух Отца вашего говорит в вас (Мт. 10:19-20).*

1. Бог милостиво дарует Свою пресвятую волю отчасти косвенно через говорящую природу, но отчасти и прямо через Свое собственное Живое слово, громко говорящее в сердце человека.

2. Всякий раз, когда какие-либо естественные предметы становятся коммуникативными, какой-нибудь ангел говорит из вещей в душу провидца и пророка, а затем пишет это соответствующими природными словами или, что проще, сразу произносит это сжатой речью. Конечно, только провидец и пророк понимает, почему одно тяжелее, а другое легче. Поэтому апостолы тоже говорили больше, чем писали, как и все прежние провидцы и пророки.

3. Господь, когда Он через Слово выражает в мире Свою волю, не может выразить её для людей иначе, как через внешние зрительные представления, которые, очевидно, имеют в основе внутренний и сокровенный смысл, через который всё человеческое существо из его сокровенной глубины до самой внешней груди исполнено божественной любовью.

4. Господь сознательно и мудро скрывает внутренний смысл во внешнем, природном образе, чтобы этот святой, внутренний, живой смысл не подвергся нападению и уничтожению со стороны злонамеренных людей, вследствие чего всем небесам и мирам мог быть тогда нанесен величайший вред.

5. Если какой-нибудь злой червь перегрызет главный корень, находящийся в тесной связи с сердцевиной дерева, дерево погибнет.

6. Если дерево уже подвергалось многим грозным для жизни опасностям, скольким оно подверглось бы, если б его основные жизненно важные органы располагались слишком далеко от ствола? Именно так обстоит дело и со словом Господним, и ещё более – с неизреченным. Если бы внутренний смысл с самого начала был дан вовне, религия уже давно не существовала бы среди людей; ибо этот внутренний святой смысл они бы изгрызли и разодрали на части так же, как это сделали с внешней корой древа жизни, и они давно уже разрушили бы внутренний святой град Божий так, что не остался бы камня на камне. Как первоначально поступили с древним Иерусалимом, и как поступили с внешними словами, имевшими только смысл буквы. Ибо Слово Божие в своей внешней буквенной форме, как оно представлено перед вами в

Священном Писании, так же отличается от древнего мира, как нынешний крайне жалкий городок Иерусалим отличается от древнего космополитического города Иерусалима.

7. Вся эта путаница и раздробленность, а также сокращение в единственном внешнем письме, тем не менее, не вредят внутреннему смыслу, потому что Господь Своим мудрым промыслом уже от вечности устроил порядок, чтобы одна и та же духовная истина существовала среди самых разнообразных внешних образов, сохраненных и переданных в неповрежденном виде. Но было бы совсем другое, если бы Господь сразу дал злему миру обнаженную, внутреннюю, духовную истину, без всякого внешнего покрытия; Он бы изгрыз и уничтожил эту святую, живую истину по своему усмотрению, и в результате вся жизнь была бы потеряна. Но поскольку внутренний смысл настолько затемнен, что мир не может когда-либо его обнаружить, жизнь остается безопасной, даже если её внешняя одежда разорвана на тысячу кусков. И поэтому внутренний смысл слова, когда он раскрывается, тоже звучит так, как если бы он был таким же, что и внешний смысл слова, и тоже мог бы выражаться через членораздельные звуки или слова; но это нисколько не повлияло бы на дело. Вот почему смысл остается внутренним, живым, духовным и может быть признан таковым, потому что он объемлет весь божественный порядок, тогда как содержащий его образ выражает лишь особое отношение, которое никогда не может иметь всеобщего значения.

8. Господь изливает Свое по существу живое Слово из Своего сердца в сердца братьев и сестер.

9. Некоторые люди говорят вынужденно только из внутреннего божественного духа и часто не знают, что они сказали после того, как закончили говорить, потому что не сами говорили из своих уст, а только божественный Дух. Другой видит яркий горящий свет в своем сердце, огненное письмо в своей душе; видит *живое слово* со светящимися знаками в своем сердце, стоящим прямо в самых ясных чертах, и затем произносит его. Есть некоторые вещи, которые Господь молча открывает чувствам человека. Иногда, без ведома человека, Он объединяет Себя с его духом, тайно пробираясь в его сердце. Внутреннее Живое слово также дает о себе знать в сердце каждого здравомыслящего человека через предостерегающую совесть или как слышимое слово из уст пробужденного человека.

Литература

1. *Арх. Амвросий*. Живое слово : [Пособие по гомилетике]. – Харьков, 1892. – 105 с.
2. *Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. – М., 2009. – С.11.
3. *Брушлинский А.В.* Мышление и общение / А.В. Брушлинский, В.А. Поликарпов. – Самара: Самарский Дом печати, 1999. – 128 с.
4. *Буслаев Ф.И.* О преподавания отечественного языка. – М., 1844. – 472 с.
5. *Валуев О.С.* Творение «живого слова» как антропологическая инициатива российского образования // Журнал филологических исследований, 2023. – Том 7. – Вып.2. – С. 51-56.
6. *Виноградов В.В.* Пушкин А.С. – основоположник русского литературного языка // Известия АН СССР : Отделение литературы и языка. – М., 1949. – Т. VIII. – Вып. 3. – С. 187-215.
7. Воронежская педагогическая школа: дидактическая реконструкция : коллективная монография / Отв. ред. А.И. Лазарев. – Воронеж : Кварта, 2018. – 342 с.
8. *Гессен С.И.* Основы педагогики: Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. — М.: «Школа-Пресс», 1995. – 448 с.
9. *Давыдов И.И.* Чтения о словесности. Курс второй. – М., 1838. – С. 326.
10. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. – М., 1862. – С. 445.
11. Живое слово для изучения родного языка. Методика русского языка в рассказах и объяснениях по литературным образцам в связи логикой, грамматикой и словесностью, для всестороннего развития и воспитания учащихся, согласно требованиям педагогических принципов / сост. А.В. Барсов; ред. А.А. Хованский. – Воронеж, 1889. – 91 с.
12. *Жихарев С.П.* Записки современника (1806-1809) // Редакция, статья и комм. Б.М. Эйхенбаума. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 835 с.

13. *Климент Александрийский*. Педагог // пер. с греч. Н. Корсунский, Г. Чистяков; авт. предисл. И. Свиридов. – М., 1996. – 290 с.
14. *Красных В.В.* Базовые метафоры русской лингвокультуры в творчестве К. Васильева // Язык, сознание, коммуникация, 2014. – №. 49. – С. 5-12.
15. *Мальшиев В.Б.* Фундаментальные метафоры в метаязыке новоевропейской культуры // Докторская диссертация. – СПб., 2013. – 379 с.
16. *Правдолюбов С.* «Живое слово» архиепископа Амвросия (Ключарева) // Богослов.ру. <http://www.bogoslov.ru/text/520094.html> (Доступно: 29.02.2024)
17. *Русинова Е.Е., Лазарев А.И.* Учебники «Родное слово» и «Живое слово»: сопоставительный обзор // Журнал филологических исследований, 2023. – Том 7. – Вып.2. – С. 33-50.
18. *Соловьев С.М.* Парижский университет (в Обзрении русских газет и журналов) / Журнал Министерства Народного Просвещения, 1843. – Часть XL. – С. 190.
19. *Ушинский К.Д.* О народности в общественном воспитании // Собрание сочинений. – М., 1948. – Т.2. – С.69-167.
20. *Alzog, J.B.* Introduzione scientifica ed istorica alla storia universale della chiesa Cristiana, Milan, 1858, P. 111.
21. *Allievo, G.* La scuola educative: principi di antropologia e didattica ad uso delle scuole normali maschili e femminili, con alcune nozioni di storia della pedagogia moderna e scelti passi di autori, Torino, 1893, Pp. 98, 106, 135, 173.
22. *Anquetil-Duperron, A.* Le Zend-Avesta, ou la Parole vivante de Zoroastre, Paris, 1776.
23. *Benson, J.* The Holy Bible, Containing the Old and New Testaments, New-York, 1847, 808 p.
24. *Berryer, P.A.* Défense de la liberté religieuse discours de M. Berryer sur les interpellations faites par M. Thiers au sujet des congrégations religieuses, Paris, 1845, P. 29.
25. *Bruni, A.* Scuole, Biblioteche, Mostre E Conferenze ...: Annuario Delle Biblioteche Popolari In Italia E All'estero ..., Milano, 1886, P. 79.
26. *Busch, J.* (of Dresden). Belehrungen der ewigen Liebe und Weisheit über das lebendige Wort, die Wiedergeburt des Geistes, den Geist und die Materie, etc., Dresden, 1856, S.1-18.
27. *Calvin, J.* Institute of Christian Religions, Edinburgh, 1863, V. 2, Ch. XVII, P. 596.
28. *Cane, R.* The gigantic Irish fossil deer/ Transactions of the Kilkenny Archeological Society, Dublin, 1853, P. 164.
29. *Clowes, J.* Sermons on the call and deliverance of the Children of Israel out of Egypt, and on several of the more important circumstances attending their journey through the wilderness, to their final settlement in the land of Canaan, Manchester, 1818, P. 229.
30. *Colani, T.* Jugement porté par Adolphe Monod sur les lacunes du Réveil // Revue de théologie et de philosophie chrétienne, Paris, Geneve, Strasbourg, 1857, P. 341.
31. *d'Aubigné, J.H.* Il y a un ministère de la parole institué de Dieu maintenons-le : lettres, Paris, 1858, P. 10.
32. *Eccleston, T.* Concerning The Living Word / A Treatise Concerning The Life of God in the Soul of Man, Manchester : J. Harrison, 1851, P. 108.
33. Encyclopédie catholique répertoire universel et raisonné des sciences, des lettres, des arts et des métiers, Paris, 1848, P. 103.
34. *Ferrari, E.* I dialoghi di Platone: Dialoghi teoretici Fedro Convito Eutidemo Menesseno, Padova, 1874, P. 69.
35. *Valade-Gabel, J.J.* Methode a la portée des instituteurs primaires pour enseigner aux sourds-muets la langue française, sans l'intermédiaire du langage des signes, Paris, 1857, V. 1, P. 8/
36. *Gar, T.* Sugli ufficii principali della libertà nello Stato, Venezia, 1869, P. 13.
37. *Gioberti, V.* Della riforma cattolica della Chiesa: frammenti, Napoli, 1861, P. 73.
38. *Gioberti, V.* Introduzione allo studio della filosofia, Losanna, V. 3-4, 1849, P. 176.
39. *Gridel, N.* Soirées chrétiennes ou théologie du peuple leçons sur la notion du chrétien, la nature de Dieu et la creation, Paris, 1852, V. 3, P. 127
40. *Guasti, C.* Le prose diverse di Torquato Tasso, Firenze, 1875, V. 2, P. 97.

41. *Herder, G.* Abhandlung über den Ursprung der Sprache, Berlin, 1778, 222 p.
42. *Herder, G.* Persepolitische Briefe / Sämmtliche Werke Zur Philosophie und Geschichte, Tübingen, 1805, T.1, 360s.
43. *King, D.* Inward and outward calls, or the Voice of God and the Word of God // The Bible advocate, and precursor of unity, London, 1848, P. 124.
44. *La settimana religiosa di Milano*, 1881, P. 51.
45. *Le baron D'eckstein.* Revue d'ouvrages historiques français et étrangers // Journal de l'Institut historique, Paris, V. 1-3, 1834, P. 81.
46. *Macphail's Edinburgh ecclesiastical journal and literary review*, 1846, Pp. 26, 27.
47. *Marius, E.* Das Wort; Wort der Persen / Die Persönlichkeit Jesu Christi mit besonderer Rücksicht auf die Mythologien und Mysterien der alten Völker, Leipzig, 1881, S. 137-146.
48. *Meade, W.* Wilberforce, Cramer, Jewell, and the Prayer Book: On the Incarnation, Washington, 1850, P. 32.
49. *Monod, A.* La parole vivante, la vocation de l'église. Revue chrétienne, Paris, 1858, V. 5, P. 59.
50. *Protonotari, F.* Nuova antologia di lettere, scienze ed artim, Fiorenza, 1890, № 27, P. 615.
51. *Rayneri, G.A.* Primi principii di metodica, con un saggio di catechetica, Torino, 1881, P. 150.
52. *Tayler, Ch.B.* Facts in a Clergyman's Life, Otley (Suffolk), 1853, P. 32.
53. *The Christian Messenger and Reformer*, 1845, V.9, P. 60.
54. *The New-Jerusalem Magazine*, Boston, 1850, V. 23, № 11, P. 438.
55. *Wilberforce, R.I.* The Doctrine of the Incarnation of Our Lord Jesus Christ : In Its Relation to Mankind and to the Church, London, 1848, P. 510.
56. *Neander, A.* History of the Planting and Training of the Christian Church by the Apostles. Also, the Antignostikus; or, Spirit of Tertullian, Manchester, 1851, Vol. II, P. 268.